

Альтернатива
для
дураков

Роман

Вступление

— На выход, — раздался громкий голос, и он легко поднялся. Сокамерники молча смотрели ему вслед.

Длинный коридор, лязг тюремных дверей, следующий коридор. Привычные крики надзирателей. Привычные возгласы конвоиров. Еще один коридор. Еще одна дверь.

— Стоять. Руки за спину, — еще одно напоминание.

Они вошли в комнату. Сидевшие за столом двое офицеров мрачно посмотрели на вошедшего. Конвоир тяжело дышал за спиной. Офицеры ждали привычного рапорта. Но он упрямо молчал. Наконец один из них спросил:

— Чего молчишь, Счастливчик? Язык проглотил?

— Жду, чего вы мне скажете, — усмехнулся он, нагло глядя в глаза офицерам.

Они переглянулись.

— Свободен, — сказал один из них конвоиру.

Тот молча вышел из комнаты. Один из сидевших за столом был в форме полковника, другой — подполковника. Полковник, отпустивший конвоира, покачал головой и сказал своему заместителю:

— Знает ведь все заранее. Их «почта» лучше нашей работает.

— Кончай темнить, начальник, — усмехнулся заключенный, — если бы даже я не знал, то уже давно бы догадался. Моя бумага к вам пришла. Правильно?

— Правильно, Счастливчик, все правильно. Твои дружки тебе срок скостили. Бумага пришла о твоём освобождении. Вместо положенных десяти срок тебе сократили до четырех. С учетом твоего предварительного заключения мы тебя обязаны сегодня отпустить. У тебя есть какие-нибудь вопросы?

У заключенного была приятная внешность: коротко подстрижен, волевой подбородок, несколько вытянутые скулы, нос с небольшой горбинкой, голубые глаза. Он улыбнулся еще раз, демонстрируя свои прекрасные зубы. И отрицательно мотнул головой.

— Жалобы у тебя какие-нибудь есть, претензии всякие или просьбы? — прохрипел подполковник.

— Нет. Здесь прямо настоящий курорт был.

— Курорт, — повторил, багровея, подполковник, — попадешь ты еще раз к нам... Я тебе курорт устрою.

— Это вряд ли, подполковник, — засмеялся заключенный, — нас два раза подряд в одну и ту же колонию не посылают. Боятся, что мы вашу паству возвращать будем. Ты ведь порядки знаешь.

— Пошел вон, — разозлился подполковник.

Заклученный повернулся, чтобы выйти, когда его остановил полковник.

— Документы и свои вещи получишь у Воронова. Ты знаешь, куда идти. На улице тебя ждут твои дружки. На двух машинах приехали. Сам Крот пожаловал, твой бывший компаньон.

— Это не самая приятная новость, — улыбнулся заключенный.

— Иди ты... — встрепенулся начальник колонии, грязно выругавшись и добавив еще несколько отборных выражений, и вдруг сказал с неожиданной злостью: — Жаль, конечно, что тебя так быстро выпустили. Но ничего, Россия большая, может, еще свидимся.

Заклученный, уже не спрашивая разрешения, толкнул дверь ногой, выходя из кабинета. Офицеры посмотрели друг на друга.

— И таких подонков выпускают на волю, — зло прошипел подполковник. — О чем все они там думают, ничего не понимаю. Он же самый настоящий бандит. Ему всегда везет. В прошлый раз ничего доказать не смогли, поэтому десять лет дали. А вообще, он давно свою «вышку» заслужил. Он уже столько вооруженных ограблений планировал, в трех сам участие принимал. В последнем двоих офицеров убили, а он как бы ни при чем.

— Недаром и кличка у него — Счастливчик, — неприятно усмехнулся полковник, — он всегда сухим из воды выходит. Думаешь, я не знаю, кто у нас в прошлом месяце твоего сексота прирезал? Его работа. Он нашу агентуру за версту чует. Но ничего доказать не смогли. А это ведь по его наводке мужика убили, я точно знаю.

— И о чем они только в Москве думают, — снова повторил подполковник, — таких бандитов досроч-

но отпускают, а потом говорят, что борются с преступностью. Он ведь лучший медвежатник в стране. Говорят, любой замок на спор открыть может.

— Везде одно и то же, — махнул рукой полковник, — мы здесь понемногу берем, они по-крупному в Москве. Все прогнило. Думаешь, его за хорошие глазки из колонии досрочно выпускают? Как бы не так. Кто-то там хорошие бабки взял. Такие, что нам и не снились. Ты знаешь, кто мне звонил, чтобы я подписал бумагу о его досрочном освобождении? И не поверишь, даже если скажу. Пришлось подписать, ну его к лешему. Без него спокойнее будет.

Подполковник сокрушенно вздохнул. И непонятно было, отчего он вздыхает. То ли оттого, что кто-то умудряется брать гораздо большие деньги, чем они, или потому, что опять вспомнил об отпущенном Счастливишке. Начальник колонии не стал уточнять. В конце концов они избавлялись от этого беспокойного заключенного, с которым всегда были только одни неприятности. Счастливичик принципиально не платил никому в колонии, справедливо полагая, что лучше платить высокому начальству совсем в другом месте. И этим разлагал других заключенных. В любом случае полковник был рад избавиться от такого опасного субъекта и мысленно уже навсегда вычеркивал его из своей жизни.

Автомобиль мягко затормозил, останавливаясь рядом с другим автомобилем. Соседство выглядело несколько странным. Подъехавшая машина была всего лишь темно-синей шестой моделью

«Жигулей», тогда как вторая — роскошным, «шестисотым» «Мерседесом», столь полюбившимся в Москве. Из подъехавшей машины вышел водитель, кивнул двум молодцам, стоявшим у «Мерседеса», и сел в него. Хозяин «Мерседеса» ждал его.

— Что у вас нового? — строго спросил он.

— Все в порядке. Завтра Счастливчик будет в городе, — быстро сообщил водитель «Жигулей».

— Этого мало, — с ударением на втором слове сказал его вальяжный собеседник, — нужно предусмотреть гарантии его безопасности. Хотя бы на три недели, пока мы не закончим операцию.

— Мы сделаем все, что в наших силах. Вы думаете, так легко было вытащить его? Вы должны понимать наши трудности.

— Это вы должны понимать свои трудности. Я повторяю: нужно предусмотреть все, что можно. Если хотите, можете вообще его спрятать где-нибудь на три недели. Нам нужны только три недели. А потом уже будет все равно.

— Я понимаю. Мы сделаем все, что в наших силах.

— Во всяком случае, за него вы отвечаете лично. Его доставка в Москву и его безопасность — все это под вашу личную ответственность. Постарайтесь на этот раз нас не подводить. Кстати, я все время хочу вас спросить. Вы не боитесь, что он просто не станет работать и сбежит?

— Нет, не боюсь.

— Почему?

— Это уже мой личный секрет. Но он абсолютно точно никуда не сбежит. Можете об этом даже не думать.

— Странно. Судя по тому, что мы о нем знаем, это не тот человек, на чье слово можно полагаться. Почему вы ему доверяете?

— Я ему не доверяю. Просто абсолютно уверен, что он никуда не убежит. Он будет работать на нас до тех пор, пока он нам нужен. В этом вопросе вы можете на меня положиться.

— Хорошо. Пусть будет по-вашему. В любом случае вы лично отвечаете за него. И еще — я хотел у вас узнать про группу Звягинцева. Тогда вы, кажется, ничего не смогли сделать.

— Вы напрасно каждый раз напоминаете мне про это. Я уже говорил, что подключился слишком поздно. И сделал все, что сумел. К сожалению, преждевременная смерть Александра Никитича разрушила наши планы.

— Надеюсь, на этот раз ничья смерть не помешает вам. И не забудьте, что группа Звягинцева все еще существует. Они как раз те самые люди, которые могут нам помешать. Они ведь, кажется, по-прежнему работают в МУРе?

— Да.

— И вы уверены, что у вас не будет с ними проблем?

— Во всяком случае, мы сделаем все, чтобы у нас не было проблем. Они тогда долго искали, кто именно отправил конверт из министерства в ГУВД. Но ничего доказать не удалось. Хотя я думаю, что они все равно не успокоились.

— В каком смысле?

— Они все равно ищут того, кто мог им послать этот конверт. Ведь они на допросах ничего не сказали ни о предателе в своих рядах, ни о том, что слу-

чилось с ними в тот день. Все четверо оставшихся в живых твердят о том, что ничего не знают.

— Странно. Я этого не знал. Почему они себя так ведут?

— Своеобразный кодекс чести. Они точно знают, что один из сотрудников их группы был нашим осведомителем. Но не хотят в этом сознаваться. Хотя подозреваю, что они обо всем догадываются. Во всяком случае, конверт помог избежать нам очень больших неприятностей. Дело в том, что один из сотрудников группы, доставивший нам наибольшие неприятности, — Никита Шувалов, как раз перед взрывом избивал Бессонова.

— Того самого?

— Да. И у меня есть веские причины думать, что избивал он его потому, что догадался об истинной роли Бессонова. Но на допросах Шувалов ничего не сказал. Вернее, не стал рассказывать. Но дело все равно не закрыто. Хотя начальник МУРа Краюхин и полковник Горохов очень мешают проводить любую разработку против членов группы Звягинцева. Если бы не Краюхин, можно было бы просто отстранить группу от дальнейшей работы до окончания расследования. Я же просил вас принять какие-нибудь меры. Он просто не даст нам ничего сделать.

— Нам нужно максимально нейтрализовать всех из группы Звягинцева, — задумчиво сказал его собеседник, — всех тех, кто остался в живых, — поправился он.

— Мы сделаем все, что в наших силах.

— Постарайтесь на этот раз сработать несколько точнее. Надеюсь, что особых проблем у вас не

будет. А Краюхина мы нейтрализуем. Можете не беспокоиться. Уже через несколько дней он получит новое назначение. И еще... Мы должны знать о том, как идет расследование обстоятельств гибели сотрудников группы Звягинцева. Чтобы дело не пошло в нежелательную для нас сторону. Это просто сорвет всю нашу операцию. Вы меня понимаете?

— Конечно. Расследование ведет управление собственной безопасности в МВД. Вы можете не беспокоиться. Все материалы расследования будут у вас раньше, чем в министерстве.

— Кто непосредственно ведет расследование?

— Мой сотрудник, подполковник Мотин, — чуть помедлив, сказал гость.

Хозяин автомобиля быстро взглянул на него. Чуть усмехнулся, помолчал. Потом медленно произнес:

— Может, действительно на этот раз у вас что-нибудь получится. Но только помните, полковник Тарасов, что в этот раз ошибки быть не должно. Иначе вы опять сорвете всю операцию. Постарайтесь не подпускать группу к работе хотя бы еще несколько недель, пока мы подготовимся.

— А потом?

— Потом уже не имеет никакого значения: будут ли они работать в системе МВД или их выгонят оттуда. Повторяю: нам нужны всего лишь три недели. Придумайте что угодно, обвините их в любых, самых глупых и чудовищных преступлениях. Но только не разрешайте им самим разбираться в том, что именно случилось с группой Звягинцева. Только три недели. Вы можете нам гарантировать их?

— Думаю, что да. У вас нет больше никаких пожеланий?

— Оставайтесь в живых, — мрачно пошутил хозяин «Мерседеса», — и сделайте так, чтобы мы больше не увиделись в ближайшие несколько дней. Не забудьте о нашей просьбе, Тарасов. Это в ваших интересах в первую очередь.

— Я все понял.

— До свидания.

Полковник, не дожидаясь, пока его властный собеседник отпустит его, вылез из автомобиля.

Она проснулась от сильного стука в дверь. Звонили и стучали одновременно. Еще ничего не понимая, лишь взглянув на часы, показывающие седьмой час утра, она вскочила с постели, натянула короткий халатик и поспешила к дверям.

— Кто там? — испуганно спросила она.

— Откройте. Милиция, — сказал властный голос за дверью.

Она посмотрела в глазок. На лестничной клетке стояло несколько мужчин, двое были в милицейской форме. Неужели опять все сначала, с ужасом подумала она. Ведь у нее уже проводили однажды обыск, четыре года назад, когда был арестован Счастливчик. Тогда все знали, что она была близка с ним. Впрочем, она этого никогда и не скрывала, появляясь даже на суде и давая свидетельские показания в качестве его сожительницы. Но сейчас стучали так громко, что она испугалась за соседей. Было раннее утро, и громкий стук мог разбудить всех соседей.